

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>
EDN: LNHKSR

Научная статья / Research article

Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев

Ольга Викторовна Ерохина ^{a,b} , Владимир Николаевич Шайдуров ^a

^a Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

^b Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

 ov.erokhina@mpgu.su

Аннотация: Рассматривается положение российских немцев в империи, которые в годы Первой мировой войны оказались заложниками внешнеполитической ситуации. Анализируется процесс трансформации государственно-этнической идентичности немцев через выявление факторов, которые оказали на них психологическое воздействие и способствовали формированию «негативной» идентичности в их среде. Источниковой основой исследования послужили письма военного врача Ф.О. Краузе и российских немцев, служивших на Кавказском фронте, а также немецких колонистов разных губерний Российской империи; постановления и распоряжения военной и гражданской администрации, материалы периодической печати; делопроизводственная переписка между министерствами и другие материалы, хранящиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации. Показано, что рост националистических настроений в российском обществе и проведение антинемецкой политики в стране оказали на российских немцев значительное психологическое давление. Из-за этого в годы Первой мировой войны они оказались в условиях «новой реальности». Авторы пришли к выводу, что под влиянием различных факторов российским немцам пришлось выбирать разнообразные способы сохранения своей идентичности: смена фамилии, эмиграция, полное погружение в свою профессиональную деятельность.

Ключевые слова: этнофобия, свой – чужой, антигерманская кампания, немецкий вопрос, Российская империя

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025.

Для цитирования: Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>

World War I and Identity Crisis of Russian Germans

Olga V. Erokhina ^{a,b} , Vladimir N. Shaidurov ^a

^a Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia

^b Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

 ov.erokhina@mpgu.su

Abstract: The authors consider the position of Russian Germans in the empire, who during World War I became victims of the foreign policy circumstance. There is analyzed the process of the transformation of the state-ethnic identity of the Germans through the identification of factors that had a psy-

© Ерохина О.В., Шайдуров В.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

chological impact on them and contributed to the formation of a “negative” identity in their environment. The sources for the study are the letters of military doctor F.O. Krause and Russian Germans who served on the Caucasian front, as well as German colonists from various provinces of the Russian Empire; decrees and orders of the military and civil administration, periodical materials; office correspondence between ministries and other materials stored in the central and regional archives of the Russian Federation. The study shows that the rise in nationalist sentiments in Russian society and the implementation of anti-German policy in the country exerted significant psychological pressure on Russian Germans. Due to this, during World War I they found themselves in a “new reality.” The authors come to the conclusions that influenced by numerous factors, Russian Germans had to choose various ways to preserve their identity: changing the name, emigrating, completely immersing themselves in their professional activities.

Keywords: ethnophobia, friend or foe, anti-German campaign, German question, Russian empire

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20025.

For citation: Erokhina, O.N., and Shaidurov, V.N. “World War I and Identity Crisis of Russian Germans.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 1 (February 2024): 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-19-29>

Введение

Актуальность. Военные конфликты способны разрушать не только социально-экономические, политические и культурные связи, но и деформировать общественные отношения. Под давлением военных событий и информационной пропаганды начинается происходить трансформация личности человека, который задумывается о своей гражданской, социальной и этнической идентичности. Из-за разрушения целостности своей эго-идентичности он пытается найти свое место и предназначение в социуме, зачастую проходя через комплекс внутренних переживаний и деформаций.

Степень изученности проблемы. Впервые в научный оборот понятие идентичность ввел американский психолог Э.Г. Эриксон, который выделял два аспекта – «Я-идентичность» и социальную идентичность¹. Позже проблемы идентичности разрабатывались многими отечественными и зарубежными исследователями в области не только психологии, но и философии, социологии, политологии, истории и антропологии. В рамках этносоциологического подхода к проблеме этнической идентичности Л.М. Дробижева выделяла следующие компоненты: осознание принадлежности к своему народу, осознание интересов своего народа, представление о культуре, языке и территории². Т.Г. Стефаненко предлагает рассматривать этническую идентичность не только как осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, но и как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других³.

Среди разных вариаций возможно выделить понятие «негативной» идентичности, под которой в соответствии с концепцией Л.Д. Гудкова⁴ и Э.Г. Эриксона, понимается преодоление своей уязвимости, незащищенности, неуверенности. Также, по мнению Э. Эриксона, негативная идентичность может включать поведение и отношения, за которые человек был наказан или ему пришлось испытать чувство вины⁵.

Применительно к российским немцам негативная идентичность – это ситуативный феномен, который связан с влиянием на нее, во-первых, исторических событий, во-вторых, политических действий властей, в-третьих, общественного настроения и мнения. Э.Г. Эриксон видел связь между кризисами идентичности и кризисами

¹ Erikson E.H. *Identity and the Life Cycle*. Selected papers. New York, 1959.

² Татарко А.Н., Лебедева Н.М. *Методы этнической и кросскультурной психологии*. М., 2011. С. 11.

³ Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. М., 1999. С. 110.

⁴ Гудков Л. *Негативная идентичность*. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

⁵ Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М., 2006. С. 185, 205.

общественного развития, потому что распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой⁶. О проблеме поиска немцами своей идентичности пишет и Дитер Борхмайер⁷.

Наиболее остро этот процесс проявляется в период предвоенных и военных конфликтов, когда на фоне развития этнофобии встает проблема самоопределения и поиска своего нового места в социуме в новых реалиях. Именно с этой позиции и рассматривается проявление негативной идентичности Д.В. Эйдук, С.В. Оболенской, О.В. Ерохиной, Э. Лор⁸. Данные авторы показали, что политизация немецкого вопроса достигла небывалых масштабов, а националистические тенденции фактически стирали границу между германцем и немцем. Антигерманская кампания довольно быстро переросла в кампанию против немцев вообще. При этом понятие «внутренний немец» нередко стало ассоциироваться с «внутренним врагом». В общественное сознание внедряли идею о необходимости полного очищения России от всякого проявления «германизма».

В связи с этим *цель исследования* – выяснить, как психологическое давление на немцев со стороны российских властей и общества повлияло на кризис их идентичности в период военного конфликта.

Источниковая база. Для раскрытия цели были использованы постановления и распоряжения командования военных округов и гражданской администрации, материалы периодической печати, делопроизводственная переписка между министерствами и материалы. Основная часть материала была обнаружена в архивных хранилищах. В частности, были использованы документы фонда Департамента полиции МВД (Ф. 102), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации; документы фонда Департамента Духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве; документы фонда Военно-политического и гражданского управления при Верховном главнокомандующем (Ф. 2005), Штаба Казанского военного округа (Ф. 1720) и Киевского военного округа (Ф. 1759), хранящиеся в Российском государственном военном-историческом архиве; документы Канцелярии Петроградского губернатора (Ф. 253), Петроградского губернского присутствия (Ф. 258), Петроградского губернского по земским делам и городским делам присутствия (Ф. 259), хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга; документы Атаманской канцелярии (Ф. 46) и Войскового по крестьянским делам присутствия (Ф. 213), хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области.

Кризис гражданской идентичности

В начале XX в. социально-экономические противоречия, усиленные военными конфликтами, все более усугубляли внутривнутриполитический кризис в стране. Этим воспользовались различные политические группировки в годы Первой мировой войны,

⁶ Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1 (5). С. 50–51.

⁷ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg, 2017.

⁸ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000; Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; Ерохина О.В. «Свой-чужой»: к вопросу о трансформации образа немца накануне и в годы Первой мировой войны // Война и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы / Сб. тр. конф., Москва, 21–22 мая 2015 г. М., 2015. С. 139–146; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских поданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

которые в поисках виновных сосредоточили внимание на немецком вопросе. При этом не забывали и о национальных особенностях немцев: «...чудовищном эгоизме, тупом высокомерии, презрительной отчужденности от народа-хозяина»⁹.

Находясь в условиях постоянного психологического нажима, немцы вынуждены были задуматься о своей гражданской и этнической идентичности. Следует отметить, что большинство городских немцев были носителями двойной идентичности, считая «нашими» как немцев, так и русских.

Ярким примером такой идентичности может служить Ф.О. Краузе, воспитанный в немецкой семье, а образование получивший в Московском университете. С 1911 г. работал в Морозовской больнице, где познакомился со своей будущей женой А.И. Доброхотовой, которой писал письма с 1914–1917 гг. Этот вид источника является отражением общественных настроений периода войны и одновременно дает представление о кризисе идентичности одного из авторов и попытках его самоидентификации.

В начале Первой мировой войны Ф.О. Краузе был мобилизован в армию. В отличие от большинства немцев, отправленных служить на Кавказ, он участвовал в военных сражениях в Галиции, Волыни и Румынии. В ответ на начавшуюся анти-немецкую истерию он, как и большинство немцев, задавался вопросом: «Где же тут справедливость? К чему эти гонения на самых лояльных русских подданных?»¹⁰

Свою роль в обострении ситуации и нагнетании психологического давления на российское общество сыграла периодическая печать, на страницах которой публиковались статьи, разжигавшие антинемецкие настроения¹¹. И поскольку каждое издание стремилось говорить от имени общественности, то подобных мнений становилось «почти столько же, сколько типографских станков»¹².

Периодические издания на родном языке были частью повседневной жизни немцев, так как не только публиковали российские новости, но и старались защитить национальную культуру, традиции и язык от нападков официальной пропаганды и настроенной антинемецки печати. Только в Петербурге в те годы издавалось до семи газет, не считая специализированных изданий¹³. Однако к 1915 г. российские власти запретили их издание.

Сам Ф. Краузе был заядлым читателем. Особое предпочтение отдавал «Русским ведомостям», отмечая, что «подобного по объективности в других газетах не найдешь». В то же время «Русское слово», по его мнению, было «противной и гадкой» газетой¹⁴.

Профессор Калифорнийского университета А. Коэн, проанализировав публикации газеты «Русское слово», пришел к выводу, что еще за семь лет до начала

⁹ Баах С.В. «Немецкое засилье»: идея борьбы с «внутренним» немцем в деятельности общественных и государственных учреждений Российской империи // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: материалы международной научной конференции, Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 231.

¹⁰ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 114.

¹¹ Губарев Ал. Немецкий вопрос в России // Голос Руси. 1914. 1 сентября. № 235; Борьба за «Русландию» // Утро России. 1914. 7 ноября. № 274; Немецкое засилье и борьба с ним // Русское слово. 1916. 8 декабря. № 283.

¹² Бобылева С.И. «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX в. // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы международной научной конференции, Москва, 18–21 ноября 2003. М., 2004. С. 51.

¹³ Сычииков А.Д., Трофимова Н.С. Газета «St.-Petersburgische Zeitung» в первые годы ее существования: к истории издания // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 3. С. 49–56; Иларионова Т. Немецкие издатели в России в конце XIX – начале XX веков // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 288–302.

¹⁴ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 20, 25.

Первой мировой войны в России стал формироваться «образ врага»¹⁵. Однако российские исследователи считают, что первые антинемецкие публикации на страницах периодической печати появились еще в 1890-е гг.

Роль языка в сохранении национальной идентичности

Одним из элементов национальной идентичности является язык. Однако хорошее знание государственного языка не могло защитить немцев от нападков на их сомнительную принадлежность к российскому государству в период войны. В колониях по-прежнему большинство жителей говорило на немецком языке, о чем свидетельствует выписываемая ими периодика на родном языке, хотя представители сельской интеллигенции и молодежь читали русскоязычные издания «для дальнейших упражнений в русском языке»¹⁶.

В среде городских немцев, получивших образование в министерских школах, было принято использовать в обиходе два языка. Литературные произведения и периодическая печать для них выступали в роли проводника между немецкой и российской культурой. Немецкий писатель Э. Арндт считал, что связь с родиной помогала сохранять язык, который выражал принадлежность человека к своей культуре¹⁷. Поэтому даже в военные годы немцы старались сохранить свой язык. Ф. Краузе очень хотел говорить со своей невестой на родном языке и поэтому в письме спрашивал у нее: «Как, Шурочка, твои успехи в области изучения немецкого»¹⁸?

Однако разрастание антинемецкой кампании в России привело к тому, что с сентября 1914 г. стали запрещать использование немецкого языка в переписке, в общественных местах. В отношении Петроградской губернии такое постановление было принято 6 июня 1915 г. За его нарушение было предусмотрено наказание согласно Правилам о военных местностях: арест или заключение в тюрьму на 3 месяца или штраф до 3 тыс. руб.¹⁹ Несмотря на это немцы продолжали в быту использовать немецкий язык, чтобы не забывать о своей национальной принадлежности.

Отношение российского общества к «внутренним немцам»

Под влиянием радикализации общественных взглядов в российском обществе в годы войны деформировалась прежняя система взаимоотношений. Российских немцев постепенно начали воспринимать не как российских граждан, а как германских, тем самым вычеркивая их из российского социума, в рамках которого они проходили процесс адаптации и социализации.

В начале 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков в циркуляре петроградскому губернатору А.В. Адлербергу указывал, что важно за немцами-колонистами «иметь неослабленный надзор»²⁰. Но даже в окрестностях столицы не всегда губернское начальство слепо исполняло волю министерских чиновников. Отстранение Н.А. Маклакова от должности летом 1915 г. несколько понизило градус анти-

¹⁵ Cohen A.J. Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung «Russkoe slovo» (1907–1917) // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. München, 2006. P. 279.

¹⁶ Черказьянова И.В. Школьное образование как фактор общего культурного подъема российских немцев в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 310. С. 98.

¹⁷ Сергеева А.А., Фираго Е.П. К вопросу о национальной самоидентичности петербургских немцев // *Проблемы науки*. 2017. № 1 (14). С. 102.

¹⁸ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 20.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 20, 94–97; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

²⁰ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 258. Оп. 23. Д. 149. Л. 1.

немецкой истерии. В июле 1916 г. в ответ на запрос земского отдела МВД сообщалось, что в Ново-Саратовской и Средне-Рогатской волостях Петроградского уезда Петроградской губернии все выборные должностные лица (волостной старшина, его помощник и 4 волостных судьи) были немцами²¹.

Находясь на фронте, Ф. Краузе не испытывал в отношении себя какого-либо притеснения, но он очень переживал из-за того, что отношение к А.И. Доброхотовой в Морозовской больнице из-за него ухудшилось. Кроме того, он не мог поверить в возможность изменения поведения коллег в отношении старшего врача терапевтического отделения той же больницы, немца по происхождению, Н.Н. Вильяма. В связи с этим он писал:

...мысли о том, что ко мне мои знакомые и друзья могут теперь хуже относиться только потому, что я немец, – этой мысли у меня не было, нет...²²

Ф. Краузе пытался объяснить это явление тем, что война приводит к одичанию мыслей и чувств. Поэтому даже «культурные люди начинают говорить то, чего раньше никогда не говорили». Им обращалось внимание на то, что «немцы, переживая душевную драму», не должны идти на поводу сторонников антинемецкой политики. По его мнению, выход из этого кризиса идентичности немцы должны были увидеть в сохранении старых заветов:

Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжелый долг, то мы еще не будем оплевывать все, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!²³

Начавшаяся антинемецкая кампания разделила общественность на два лагеря. Если одни приводили доводы в пользу положительного фактора, то другие доходили до того, что обвиняли немцев в шпионаже и «узконациональном эгоизме». Это приведет к тому, что под психологическим давлением часть российских немцев предпримет попытку скрыть свою национальную принадлежность, что в психологии характеризуется как «бегство от свободы»²⁴. Это явление проявляется в экстремальных ситуациях, когда человек отказывается от своей идентичности, желая слиться с другими в единую толпу.

В таком положении окажутся военачальники и чиновники разных рангов, которых все чаще стали называть «внутренними немцами». Когда их положение стало невыносимым, то они вынуждены были просить разрешение на изменение имен и фамилий²⁵. Например, члену Государственного Совета А.Б. Нейдгардту разрешено было именоваться по фамилии своей жены – Талызиным²⁶, а военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум станет Соколовым-Соколинским²⁷.

Немцев, рожденных в России и женатых на русских женщинах, могли подвергнуть преследованиям только потому, что они носили немецкие фамилии. Например, поселянин колонии Голый Карамыш Саратовской губернии Андрей Ба-

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 25. Д. 404. Л. 5.

²² Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 26–27.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.

²⁵ Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С. 164.

²⁶ Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2010. С. 82.

²⁷ Герман А.А. Подвиг ефрейтора Эрентраута. Российские немцы в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 118.

уер был обвинен в германофильстве, которое выражалось в регулярном общении на немецком языке и получении диплома инженера-механика в Германии, за что был посажен в тюрьму на три месяца. Однако обвиняемый понимал, что всему виной его этническая принадлежность²⁸.

В Петрограде и губернии началась «чистка» военно-промышленных заводов от лиц с немецкими фамилиями. Так, в первой половине 1915 г. такая кампания была проведена на Шлиссельбургском пороховом заводе. За лицами с немецкими фамилиями первоначально устанавливали надзор, а позднее им было запрещено проживание в Шлиссельбургском уезде. Это распространялось как на служащих завода, так и на членов семей²⁹.

По мнению Е.В. Лебедевой, в период войны все более заметен становится переход от имперского патриотизма, когда подданные государства проявляют лояльность правящей династии, к российской национальной идентичности, предполагающей «лояльность государству или нации-согражданству»³⁰. Поэтому вынужденная смена фамилии встречала понимание со стороны немцев³¹.

Не последнюю роль в психологическом воздействии на немцев сыграла кампания по ликвидации немецкой топонимики. Началась она с переименования Петербурга в Петроград 18 августа 1914 г., соответственно была переименована и губерния. На основании циркуляров Министерства внутренних дел от 12 и 15 октября 1914 г. (№ 52, 55) все немецкие селения получили русские названия³². В некоторых уездах (Гдовском, Лужском, Шлиссельбургском) она была завершена уже к концу 1914 г.³³ В других уездах данная кампания растянулась на более длительный срок. Так, в Петергофском уезде она длилась почти до конца 1916 г.³⁴ На местах несмотря на то, что циркуляры были исполнены, власти считали, что будут затрачены значительные средства на изменения названий, но в колониях по-прежнему будут проживать немцы³⁵.

Российская общественность по-разному отнеслась к этому событию: кто с пониманием и сочувствием, кто с недоумением и неприятием. Но все это точно пошатнуло идентичность российских немцев. Например, немецкий колонист писал своему знакомому в колонию Карамышевка Камышинского уезда Саратовской губернии:

Я вполне точно не знаю, к кому принадлежу: формально я считаюсь совершенно русским, но если царь перекрестил Петербург в Петроград, то мое понимание считать себя русским получает уже поражение, от которого едва ли снова оправится³⁶.

Несмотря на противоречивые мнения в обществе на проведение этой политики, российские власти продолжили борьбу с «немецкостью» и отдали приказ за-

²⁸ Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 180.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 591.

³⁰ Лебедева Е.В. От имперского патриотизма к гражданской идентичности. Немцы России и проблема формирования общероссийского самосознания в XVIII – начале XX в. // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и исторической памяти потомков: материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. М., 2011. С. 413.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1906.

³² Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3698. Л. 59–61.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 258. Оп. 22. Д. 1079; Д. 1080; Д. 1084.

³⁴ Там же. Д. 1082.

³⁵ ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4741а. Л. 214–215.

³⁶ Воронезцев А. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 81.

крашивать немецкие вывески на зданиях. При этом не трогая тех, которые были написаны на другом языке, а переименовывались городские учреждения и организации, имевшие немецкие названия³⁷. Такие действия властей ставили перед немцами вопрос об их идентичности с российским народом: «Где же тут справедливость»³⁸?

Кризис идентичности у немцев-военнослужащих

Двойственный кризис идентичности немцы испытывали не только в тылу, но и в действующей армии. 22 октября 1914 г. было издано распоряжение мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, которое предписывало немцев-военнослужащих из числа немецких колонистов отправлять в запасные батальоны Кавказа³⁹, что было для них «пощечиной и неожиданностью»⁴⁰.

Следует отметить, что немцы становились «чужими» в армии, куда зачастую уходили не только по призыву, но и добровольно. Им было совершенно непонятно, почему несмотря на то, что они поступками и делами доказывали свою причастность к «государственной нации», все же находились под постоянным психологическим прессингом. Например, один из военнослужащих немецких колонистов с обидой писал домой: «Оказывается, что невзирая на наши труды, нас все равно причисляют к немцам и к ненавистникам нашей родины»⁴¹.

Они вынуждены были терпеть обвинения в нелояльности и предательстве не только со стороны командного состава, но и со стороны сослуживцев. В результате складывалась ситуация, когда происходило противопоставление двух идентичностей – государственной (гражданской) и этнической (национальной). Так, в одном из писем немца-военнослужащего можно прочесть:

Наши товарищи – русские называют нас неверными «германцами» <...> Разве мы виноваты, что мы немцы, или, что Германия выступила против России? Нет, состоя более 100 лет русскими подданными, недопустима и мысль, что мы изменники⁴².

Выходом из кризиса гражданско-этнической идентичности для них было непосредственное участие в военных сражениях, где они смогли проявить себя, о чем свидетельствуют полученные награды. Например, серебряную медаль на Станиславской ленте получили А. Шмидт, Т. Вернер; Георгиевский крест 4-й степени – младшие унтер-офицеры К. Вебер, Р. Келлер, Г. Борман, К. Кренц и другие⁴³.

Немаловажную роль в усугублении кризиса идентичности сыграл погром в Петербурге в 1914 г. От рук протестующих пострадали книжный магазин «А. Излер», кафе «Рейтер», а также издательство газеты «St.-Petersburg Zeitung»⁴⁴. В мае 1915 г. Москву охватила новая волна «антинемецких погромов». За все дни беспорядков было разбито 732 помещения (убыток, по определению потерпевших, со-

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 2797.

³⁸ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 114.

³⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 225. Л. 1–2.

⁴⁰ Воронезцев А. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М., 2002. С. 84.

⁴¹ Фролова К.В. Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 273.

⁴² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 999. Л. 1864.

⁴³ Герман А.А. Подвиг ефрейтора Эрентраута. Российские немцы в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 119; РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 619. Л. 70 об.

⁴⁴ Отношение к немцам // Новое время. 1914. 5 августа; Уличные эксцессы // Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 6 августа.

ставил более 50 млн руб.)⁴⁵. Это обстоятельство шокировало немцев и способствовало усилению кризиса гражданской идентичности.

Стремясь разобраться в происходившем, немцы испытывали душевную драму, разрываясь в разрешении вопроса: кто для них «наши» – русские или немцы? Не последнюю роль в кризисе гражданско-этнической идентичности проживавших в России немцев сыграли многочисленные публикации философов, литераторов, публицистов и корреспондентов газет, посвященные немецкому культурному влиянию. Ф. Краузе вынужден был констатировать:

Итак, с одной стороны, красивые слова: культура, прогресс, человечество. С другой стороны, приписывание немцам всего плохого, гнусного, вплоть до явно нелепого <...> Я начинаю верить, что мы, русские подданные немецкой национальности, скоро в России очутимся в положении затравленных⁴⁶.

Как не пытались немцы противостоять антинемецкой кампании, доказывая, что нападки на немецкую культуру беспочвенны, бороться с радикализацией российского общества было трудно. Многие из них приходили в уныние от происходивших событий, переживали за будущее России и не чувствовали себя чужаками. Например, Ф. Краузе удручало изменяющееся представление русских о немцах. Он писал: «...положительно нельзя окончательно выяснять истину в этой кошмарной войне. Только история, быть может, выяснит ее»⁴⁷.

Выводы

Начало Первой мировой войны привело к развертыванию антинемецкой кампании в Российской империи. В отношении них было принято «ликвидационное» законодательство, которое запрещало использовать немецкий язык в общественных местах, ограничивалось или ликвидировалось землепользование немецких поселенцев, их предприятия изымались в пользу государства. Немцев-военнослужащих переводили с Западного фронта на Кавказский без возможности принимать участие в военных сражениях. И это несмотря на патриотический подъем и лояльное отношение немцев к власти, которое выражалось в разнообразных пожертвованиях для фронта, добровольном уходе в армию или санитарные батальоны, открытии лазаретов. При этом в категорию «враждебных подданных» зачастую попадали немцы, владевшие крупными земельными наделами или прибыльными промышленными предприятиями. Из-за таких действий властей сформировавшаяся гражданско-этническая идентичность проживавших в России немцев постепенно трансформировалась в «негативную». Выход из создавшейся ситуации с целью сохранения идентичности виделся ими по-разному: смена фамилий, сокрытие национальности, эмиграция.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.10.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.11.2023

References

Achkasov, V.A. "Etnicheskaia identichnost' v situatsiiakh obshchestvennogo vybora [Ethnic identity in situations of public choice]." *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* 2, no. 1 (1999): 48–58 (in Russian).

⁴⁵ Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 335; Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоградский государственный университет, 2010. С. 204.

⁴⁶ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 54.

⁴⁷ Там же. С. 77.

- Baah, S.V. “‘Nemeckoe zasil'e’: ideia bor'by s ‘vnutrennim’ nemtsem v deiatel'nosti obshchestvennykh i gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii [‘German dominance’: the idea of fighting the ‘inner’ German in the activities of public and state institutions of the Russian Empire].” In *Rossiiskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliianiia, tolerantnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Saratov 14–19 sentiabria 2004*, 230–235. Moscow: MSNK-press Publ., 2005 (in Russian).
- Bobyleva, S.I. “‘Nemetskii vopros’ v otsenke rossiiskogo obshchestvennogo mneniia vtoroi poloviny XIX v. [The ‘German question’ in the assessment of Russian public opinion in the second half of the XIX century].” In *Kliuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev: Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. Moskva, 18–21 noiabria 2003*, 47–57. Moscow: ZAO-press Publ., 2004 (in Russian).
- Borchmeyer, D. *Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst*. Hamburg: Rowohlt, 2017.
- Cherkaz'yanova, I.V. “Shkol'noe obrazovanie kak faktor obshchego kul'turnogo pod"ema rossiiskikh nemtsev v kontse XIX – nachale XX v. [School education as a factor of the social cultural rise of Russian Germans in the late XIX – early XX century].” *Tomsk State University Journal of History*, no. 310 (2008): 97–99 (in Russian).
- Cohen, A.J. “Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung ‘Russkoe slovo’ (1907–1917).” In *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Brill, 2006.
- Danilov, Yu.N. *Na puti k krusheniui: Ocherki poslednego perioda Rossiiskoi monarkhii* [On the way to Ruin: Essays of the last period of the Russian Monarchy]. Moscow: Soglasie XXI veka Publ., 2000 (in Russian).
- Denninghaus, V. *Nemtsy v obshchestvennoi zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941)* [Germans in the Public Life of Moscow: Symbiosis and Conflict (1494–1941)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Denninghaus, V. *Revoliutsiia, reforma i voina: nemtsy Povolzh'ia v period zakata Rossiiskoi imperii* [Revolution, Reform and War: Volga Germans during the Decline of the Russian Empire]. Saratov: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Ejduk, D.V. “‘The image of the enemy’ and the prospects of war in the Russian periodical press in 1914–1915: based on the materials of the newspaper ‘Morning of Russia’.” PhD thesis, St. Petersburg State University, 2008 (in Russian).
- Erikson, E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress Publ., 2006 (in Russian).
- Erikson, E.H. *Identity and the Life Cycle. Selected papers*. New York: Internacional University Press, 1959.
- Erokhina, O.V. “‘Svoi-chuzhoi’: k voprosu o transformatsii obraza nemtsa nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [‘Friend or foe’: on the question of the transformation of the image of the German on the eve and during the First World War].” In *Voina i voennye konflikty v istorii Rossii: k 70-letiiu Velikoi Pobedy*, 139–146. Moscow: RUDN Publ., 2015 (in Russian).
- Frolova, K.V. “Nemetskii vopros v Samarskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [The German question in the Samara province during the First World War].” *20th century and Russia: society, reforms, revolutions*, no. 2 (2014): 266–275 (in Russian).
- Fromm, E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: Progress Publ., 1990 (in Russian).
- German, A.A. “Podvig efreitora Erentrauta. Rossiiskie nemtsy v gody Pervoi mirovoi [The feat of Corporal Ehrentraut. Russian Germans during the First World War].” *Rodina*, no. 8 (2014): 118–120 (in Russian).
- Gudkov, L. *Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles from 1997–2002]. Moscow: VTSIOM-A Publ., 2004 (in Russian).
- Ilarionova, T. “Nemetskie izdateli v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [German publishers in Russia in the late XIX – early XX centuries].” In *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941 gg.)*, 288–302. Moscow: ZAO-press Publ., 2002 (in Russian).
- Krauze, F. *Pis'ma s Pervoi mirovoi (1914–1917)* [Letters from the First World War (1914–1917)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017 (in Russian).
- Lebedeva, E.V. “Ot imperskogo patriotizma k grazhdanskoi identichnosti. Nemtsy Rossii i problema formirovaniia obshcherossiiskogo samosoznaniia v XVIII – nachale XX v. [From imperial patriotism to civic identity. The Germans of Russia and the problem of the formation of the All-Russian identity in the XVIII – early XX century].” In *Grazhdanskaia identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i istoricheskoi pamyati potomkov:*

- Materialy XIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–23 oktyabria 2010 g.*, 412–432. Moscow: MSNK-Press Publ., 2011 (in Russian).
- Lor, E. *Russkii natsionalizm i Rossiiskaia imperiia: Kampaniia protiv 'vrazheskikh poddannyykh' v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign against 'Enemy subjects' during the World War I]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Morozova, N.V. "The German Question and the Central Periodical Press of Russia (July 1914 – February 1917)." PhD thesis, Volgograd State University, 2010 (in Russian).
- Obolenskaya, S.V. *Germaniia i nemtsy glazami russkikh (XIX vek)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (XIX century)]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2000 (in Russian).
- Sergeeva, A.A., and Firago, E.P. "K voprosu o natsional'noi samoidentichnosti peterburgskikh nemtsev [On the question of the national identity of St. Petersburg Germans]." *Problems of science*, no. 1 (2017): 101–104 (in Russian).
- Sobolev, I.G. *Bor'ba s 'nemetskim zasil'em' v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The struggle against 'German dominance' in Russia during World War I]. St. Petersburg: Rossiiskaia National'naia biblioteka Publ., 2004 (in Russian).
- Stefanenko, T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, Akademicheskii proekt Publ., 1999 (in Russian).
- Syshchikov, A.D., and Trofimova, N.S. "Gazeta 'St.-Petersburgische Zeitung' v pervye gody eie sushchestvovaniia: k istorii izdaniia [The newspaper 'St.-Petersburgische Zeitung' in the first years of its existence: to the history of the publication]." *St. Petersburg Library School*, no. 3 (2015): 49–56 (in Russian).
- Tatarok, A.N., and Lebedeva, N.M. *Metody etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii* [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki – natsional'nyi issledovatel'skii universitet Publ., 2011 (in Russian).
- Voronezhstev, A. "Nemetskie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Saratovskoi i Samarskoi gubernii) [German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)]." In *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941 gg.)*, 71–94. Moscow: ZAO-press Publ., 2002 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Викторовна Ерохина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Московский педагогический государственный университет; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 88; главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; ov.erokhina@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0001-5168-7110>

Olga Viktorovna Erokhina, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Moscow State Pedagogical University; 88, Prospekt Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia; Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; ov.erokhina@mpgu.su; <https://orcid.org/0000-0001-5168-7110>

Владимир Николаевич Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>